

УДК 81'42(045)

СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ЗАТРУДНЕНИЯ ГОВОРЯЩЕГО В ДИАЛОГЕ

Р. В. ЛЕБЕДЕВИЧ¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Анализируются особенности речевого поведения участников диалога в ситуации возникновения и вербализации коммуникативного затруднения говорящего. Выделены основные направления развития диалога в подобных случаях: игнорирование проблемы (по инициативе адресата или адресанта), попытка ее преодоления (самим говорящим либо при участии слушающего). Рассмотрены наиболее распространенные способы преодоления таких затруднений. Определены факторы, влияющие на выбор того или иного способа преодоления коммуникативного затруднения говорящего.

Ключевые слова: коммуникативное затруднение; диалогическое взаимодействие; говорящий; слушающий; игнорирование коммуникативного затруднения; преодоление коммуникативного затруднения; тактики преодоления коммуникативного затруднения.

СПАСАБЫ ПЕРААДОЛЕННЯ КАМУНІКАТЫЎНЫХ ЦЯЖКАСЦЕЙ МОЎЦЫ Ў ДЫАЛОГУ

Р. В. ЛЕБЯДЗЕВІЧ^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Аналізуюцца асаблівасці моўных паводзін удзельнікаў дыялогу ў сітуацыі ўзнікнення і вербалізацыі камунікатыўных цяжкасцей моўцы. Вылучаны асноўныя напрамкі развіцця дыялогу ў падобных выпадках: ігнараванне праблемы (па ініцыятыве адрасата або адрасанта), спроба яе пераадолення (самім моўцам або пры ўдзеле слухача). Разгледжаны найбольш распаўсюджаныя спосабы пераадолення такіх цяжкасцей. Вызначаны фактары, якія ўплываюць на выбар таго ці іншага спосабу пераадолення камунікатыўнай цяжкасці моўцы.

Ключавыя словы: камунікатыўная цяжкасць; дыялагічнае ўзаемадзеянне; моўца; слухач; ігнараванне камунікатыўнай цяжкасці; пераадоленне камунікатыўнай цяжкасці; тактыкі пераадолення камунікатыўнай цяжкасці.

MOODS OF OVERCOMING COMMUNICATIVE DIFFICULTIES OF THE SPEAKER IN DIALOGUE

R. V. LEBEDEVICH^a

^aMinsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus

The article analyzes the features of speech behavior of the dialogue participants in the situation of the origin and verbalization of the communicative difficulty of the speaker. The main directions of dialogue development in such cases are highlighted: ignoring the problem (at the initiative of the addresser or addressee) and attempting to overcome it (by

Образец цитирования:

Лебедев РВ. Способы преодоления коммуникативного затруднения говорящего в диалоге. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2018;3:127–136.

For citation:

Lebedevich RV. Moods of overcoming communicative difficulties of the speaker in dialogue. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;3:127–136. Russian.

Автор:

Роксана Викторовна Лебедев – аспирантка кафедры общего языкознания. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Е. Г. Задворная.

Author:

Roksana V. Lebedevich, postgraduate student at the department of general linguistics.
roksana19@list.ru

the speaker himself or with the participation of the listener). The most common ways of overcoming such difficulties are considered. Factors influencing the choice of this or that way of overcoming the communicative difficulty of the speaker are determined.

Key words: communicative difficulty; dialogue interaction; speaker; listener; ignoring the communicative difficulty; overcoming communicative difficulty; tactics to overcome communicative difficulties.

Введение

В живом, спонтанном речевом общении нередки ситуации, когда говорящий испытывает затруднения при реализации своего коммуникативного намерения. Анализируя процесс перехода внутренней речи во внешнюю, И. И. Жинкин, один из основателей советской психолингвистики, подчеркивал, что «содержание мысли больше, чем шаблонно-узуальные возможности языка. Именно поэтому зарождение мысли осуществляется в предметно-изобразительном коде: представление так же, как и вещь, которую оно представляет, может стать предметом бесконечного числа высказываний. Это затрудняет речь, но побуждает к высказыванию» [1, с. 36]. Интересно, что подобные проблемы могут стать объектом рефлексии самого говорящего: по словам Л. С. Выготского, «так как прямой переход от мысли к слову невозможен, а всегда требует прокладывания сложного пути, возникают жалобы на несовершенство слова и ламентации по поводу невыразимости мысли» [2, с. 329]. Иными словами, трудности, возникающие в процессе порождения высказывания, могут получить вербальную фиксацию, осуществляемую говорящим с помощью метакоммуникативных маркеров типа *не знаю, как это сказать*; *не знаю, как выразиться*; *у меня нет слов* и под. Такого рода контексты интересны во многих отношениях: на наш взгляд, изучения заслуживают и причины возникновения подобных затруднений, и их статус в кругу сходных коммуникативных явлений, и способы их вербализации. Одним из важных аспектов анализа данного феномена является исследование основных моделей развития диалогического взаимодействия в случае возникновения у одного из собеседников коммуникативного затруднения.

Цель настоящей работы – выявить возможные сценарии развития диалога в случае возникновения и вербализации коммуникативного затруднения говорящего (далее – КЗГ). Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) выявить основные типы коммуникативного поведения говорящего при возникновении затруднения;
- 2) определить основные типы реакции слушающего на КЗГ;
- 3) зафиксировать количественное соотношение типов реакций коммуникантов на возникновение КЗГ в диалоге для выявления более частотных (распространенных);
- 4) установить основные факторы, влияющие на выбор той или иной модели коммуникативного поведения собеседников.

Способы преодоления КЗГ еще не становились объектом специального анализа, однако при их изучении важно учитывать результаты некоторых исследований, посвященных сходным коммуникативным феноменам. В первую очередь это работы, посвященные преодолению трудностей при речепорождении на иностранном языке. Автором наиболее развернутой классификации стратегий преодоления коммуникативных затруднений при использовании иностранного языка является А. А. Залевская [3, с. 340], чья концепция, в свою очередь, опирается на труды ведущих специалистов в области методики преподавания языка (А. А. Пойменова, Р. Эллис (*R. Ellis*), К. Фаерх (*C. Faerch*), Дж. Каспер (*G. Kasper*), Т. Ларсен-Фримен (*D. Larsen-Freeman*), М. Лонг (*M. Long*) и др.). В своей работе А. А. Залевская предлагает подробную схему вариантов преодоления коммуникативных затруднений при порождении высказываний на иностранном языке с использованием различных компенсаторных ресурсов при отсутствии необходимой речевой единицы в идиолекте говорящего. Закономерно предположить, что некоторые такие ресурсы могут быть востребованы и при преодолении коммуникативного затруднения на родном языке, хотя, разумеется, нетождественность ситуаций КЗГ в процессе речепорождения на родном и иностранном языке обуславливает и различия в способах преодоления соответствующих коммуникативных проблем. Кроме того, в концепции А. А. Залевской не рассматривается участие в преодолении коммуникативного затруднения адресата (слушающего), которое, как показывает наш материал, может быть весьма активным и плодотворным.

Исследования ведутся и в русле изучения стратегий преодоления коммуникативных неудач. Как известно, коммуникативная неудача понимается как «неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящих» [4, с. 31], что отчасти сближает ее с КЗГ. В то же время ком-

муникативные сложности связаны не столько с проблемами говорящего, сколько с непониманием (не-точным, неполным пониманием) соответствующего высказывания (или его фрагмента) слушающим, что обуславливает трактовку коммуникативной неудачи и коммуникативного затруднения говорящего как принципиально различных феноменов. Тем не менее в работах, посвященных преодолению коммуникативных неудач, выделяются и систематизируются способы корректировки конверсационных ошибок различной природы (имплицитные и эксплицитные) [5], определяются типы реакций собеседников на возникшую неудачу (игнорирование, тактика выражения минимального сигнала непонимания, прямая констатация непонимания) [6], рассматриваются способы разрешения эпистемических сбоев в коммуникации (конструктивные, неконструктивные сбои и их подтипы) [7]. Эти результаты также могут быть полезны при выявлении способов преодоления КЗГ.

Наиболее интересным и содержательным с точки зрения поставленных нами задач является анализ вербальных заполнителей пауз хезитации, выполненный в работах Н. В. Богдановой-Белгарян и В. И. Подлесской [8–10]. В частности, в исследованиях В. И. Подлесской выделяются некоторые стратегии, реализуемые при помощи хезитативных речепроизведений. Так, автор разграничивает стратегии, используемые говорящим для коррекции собственных ошибок *online* и *offline* [9]. Аналогичные стратегии могут быть зафиксированы и в ситуации КЗГ: здесь говорящий также может эксплицитировать свое затруднение проспективно, а может зафиксировать возникшие у него сложности после более или менее удачной попытки вербализации своего коммуникативного намерения.

Кроме того, В. И. Подлесская выделяет стратегии замещения и стратегии совмещения, которые предполагают наличие в них «маркеров нечеткой номинации», или «аппроксиматоров», используемых вместо искомой номинации или совместно с необходимым наименованием [10].

При всей эвристической ценности этих идей важно подчеркнуть, что в названных работах проблема путей преодоления сложностей, наблюдаемых в ситуациях хезитативных пауз и, в частности, ситуациях КЗГ, скорее намечена, чем решена, что обуславливает необходимость ее дальнейшей тщательной разработки.

Материалы и методы исследования

Материалом данного исследования послужили 850 диалогических единств, включающих эксплицитную фиксацию факта КЗГ, отобранных из Национального корпуса русского языка.

В рамках работы применялся метод контекстуального анализа, предполагающий опору на вербальный контекст, а также учет доступных исследователю факторов прагматического контекста произнесения высказывания.

Результаты и обсуждение

Анализ исследуемых контекстов позволил выделить два основных направления развития ситуации при возникновении КЗГ в ходе диалога: игнорирование КЗГ и преодоление коммуникативной проблемы.

1. Игнорирование КЗГ. Под игнорированием КЗГ понимается дальнейшее развитие диалога, не содержащее попыток решить возникшую проблему и оставляющее соответствующую лакуну невосполненной. Рассмотрим отдельно ситуации, когда подобный сценарий предлагается самим адресантом и когда решение об игнорировании затруднения принимается адресатом.

1.1. Игнорирование КЗГ по инициативе адресанта. Проигнорировать возникшее КЗГ адресант может в случаях, когда он имеет основания полагать, что его коммуникативный замысел в целом будет верно интерпретирован адресатом благодаря контекстным и (или) фоновым знаниям (иными словами, КЗГ не станет препятствием для взаимопонимания):

– *Да если это услышит Сергей Георгиевич Лапин (Лапин С. Г. возглавлял комитет по радиовещанию и телевидению. – В. Ш.), нас же всех с работы снимают. А если дойдет до Михаила Андреевича Суслова (фамилия члена Политбюро произносилась шепотом, с придыханием, опаской), то и, просто не знаю, как сказать, то и, да что говорить...*¹ (В. Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО (№ 1–500)).

В данном контексте остается невыраженным предикат первого высказывания приведенной реплики, но говорящий не предпринимает попыток разрешить возникшую проблему, по-видимому полагая, что КЗГ вряд ли мешает адресату понимать общий смысл всей реплики и в любом случае не препятствует эффективному развитию диалогического взаимодействия.

¹Здесь и далее сохранены языковые особенности первоисточника. – Р. Л.

1.2. Игнорирование КЗГ по инициативе адресата. Принять решение об игнорировании затруднения говорящего может и слушающий. В подобных случаях адресат, как правило, выступает инициатором дальнейшего развития диалога, давая понять, что заминка несущественна и не мешает ему в целом понимать собеседника:

- *А что тебе доверили надеть на себя на показе?*
- *Сначала на мне была рубашка с глубоким вырезом и зауженные штаны на «молниях». А потом – даже не знаю, как объяснить...*
- *Сама бы такое носила?*
- *Спрашиваешь!*
- *А моделью как стала? (С. Тыркин. Джорджо Армани: «Держите руки в карманах и не носите красного!»).*

В приведенном контексте слушающий подхватывает коммуникативную инициативу и вначале смещает смысловые акценты, а затем переходит к новому тематическому блоку диалога.

Как видно на рис. 1, доля высказываний, в которых вербализованное КЗГ осталось без какого-либо комментария, относительно невелика (11,3 %), причем инициатором игнорирования в таких ситуациях значительно чаще выступает сам говорящий (9,5 %).

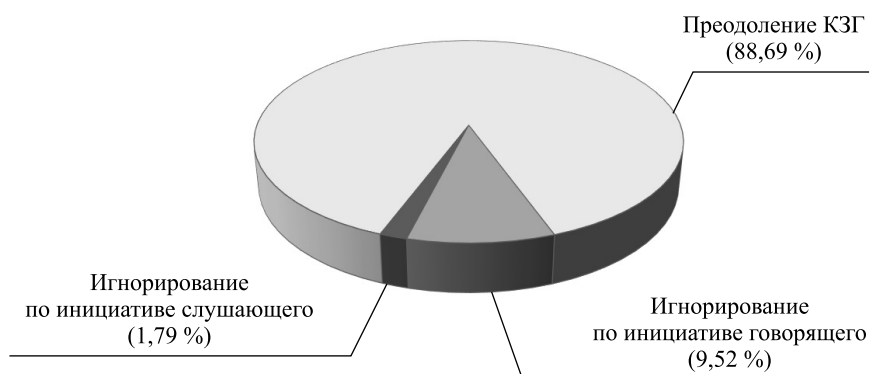

Рис. 1. Доля игнорирования собеседниками вербализованного КЗГ в диалоге

Fig. 1. The share of ignoring of the verbalized communicative difficulty of the speaker by the interlocutors in the dialogue

2. Преодоление КЗГ. Если собеседники считают, что возникшее затруднение препятствует дальнейшему успешному развитию диалогического взаимодействия, то они могут попытаться разрешить коммуникативную проблему. Как было показано выше, такое коммуникативное поведение собеседников характерно для большинства ситуаций возникновения и вербализации КЗГ (более 88 % высказываний).

В таких случаях как адресантом, так и адресатом может применяться довольно широкий репертуар тактик преодоления КЗГ.

2.1. Попытка самостоятельного преодоления затруднения говорящим. Данная тактика реализуется в одном из следующих вариантов.

В случае возникновения КЗГ возможно оперативное (в рамках той же реплики) нахождение нужного элемента высказывания и реализация изначального коммуникативного замысла говорящего:

- *По-моему, это называется «порочный круг»...*
- *Нет! <...> Никакой не порочный круг! Я просто не знаю, как сказать. Лента Мебиуса – это когда одно переходит в другое. А, вот! Придумал, как объяснить!* (В. Белоусова. Второй выстрел).

Характерным индикатором того, что автор находит необходимую формулировку и успешно справляется с затруднением, в данном случае является частица *вот*, фиксирующая удовлетворительный итог поисков нужной номинации.

При условии, что точная номинация необходимого элемента не найдена говорящим, он может использовать приемы замены или модификации фрагмента, вызвавшего проблему при речепроизводстве (около 70 % выявленных случаев). Наиболее типичными из них являются следующие:

- аппроксимация, т. е. передача трудновербализуемой информации с помощью номинации, которую говорящий рассматривает как не вполне точную, но в целом приемлемую для приблизительной передачи своей мысли: *Не два мотива, а два... не знаю, как назвать... два типа мотивов, что ли* (В. Белоусова. По субботам не стреляю). Индикатором того, что говорящий использовал именно прием аппроксимации, является употребление частицы *что ли*, подчеркивающей приблизительность «заместителей» не найденной говорящим точной номинации;

- словотворчество, т. е. создание индивидуально-авторских неологизмов (окказионализмов): *Ну спасибо тебе, моя хорошая. Ты мой главный доктор, можно сказать... Как это сказать? Нефро-терапевт практически, нефротерапевт!* (Домашние разговоры). Повторение изобретенного адресантом термина *нефротерапевт* и восклицательная интонация свидетельствуют о том, что автор неологизма считает (по-видимому, совершенно справедливо) решение возникшей конверсационной проблемы вполне успешным;

- описание, т. е. замена точной номинации более или менее развернутой «рабочей» дефиницией: *...а также тебя пускают в такой, даже не знаю, как это сказать, вольерчик, где пасутся маленькие пятимесячные, четырехмесячные лосята* (К. Мильчин. О том, как я съездил в Кострому в лосиный заповедник!);

- синонимическая замена, т. е. употребление слов или словосочетаний с близким значением: *Среди моих, не знаю, как сказать: подруг? возлюбленных? сожителей? – были и лучшие ее, но ни с одной и призрака супружества не возникало...* (А. Найман. Любовный интерес);

- использование эвфемизмов, т. е. употребление нейтрального с оценочной и (или) эмоциональной точки зрения слова или выражения: *Джюльярд – хорошая консерватория, а MSM не идет ни в какое сравнение с Кэртис. Джюльярд принимает слишком много студентов... Как бы это сказать? Средне-го качества* (В. Нузов. И. Солженицын: Без музыки жизнь для меня не имеет смысла...). Выбор подобного приема преодоления КЗГ обычно обусловлен необходимостью сообщить болезненную, неприятную, негативно-оценочную информацию;

- обобщение, т. е. фиксирование общего смысла информации, вербализация которой вызывает затруднения: *Игра со звездами «Спартак» – это в первую очередь отличная игровая практика. У нас все ребята молодые, 18–20 лет. Мне 18. Для игры против кумиров – это... сложно подобрать слова. В общем, мне очень понравилась игра* (Д. Егоров. Голкипер Александр Селихов: «Направление удара Парфенова попросту угадал»). Такие высказывания, как правило, сопровождаются маркерами генерализации (словом, в общем, короче и т. п.), указывающими на то, что автор выбрал обобщенный способ объяснения понятия, вызвавшего затруднение при вербализации.

Использование описанных приемов² способствует преодолению КЗГ, но не гарантирует, что соответствующая проблема будет решена. В ряде случаев неуспешность (или относительная успешность) предпринятых попыток осознается самим говорящим:

– *Веселая. Хотя...*

– *Что «хотя»?*

– *Не знаю, как сказать, вот ей богу, не знаю... Веселая, но какая-то заводная... нет, не заводная, а заведенная... как будто на взводе, что ли... Вот чудеса какие! Я ведь знаю, о чем я, а сказать не могу!* (В. Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный).

Иногда о ней сигнализирует коммуникативное поведение слушающего, который в силу недостижения понимания может предложить собеседнику продолжить объяснения:

– *...но как бы это сказать... игрок он очень болезненный.*

– *В каком смысле?*

– *В прямом. Подходит ко мне перед матчем: «Владо, я заболел» (Главный тренер «Динамо» и сборной России Владимир Янко: «Лучше воздержаться от прогнозов»).*

Наиболее употребительными способами преодоления КЗГ являются описание и аппроксимация, существенно опережающие прочие способы по частотности (рис. 2).

2.2. Преодоление КЗГ адресатом. Если говорящий не может или не считает необходимым преодолеть возникшее затруднение, то соответствующую инициативу может проявить слушающий.

Этот коммуникативный способ поведения избирается слушающим довольно редко, что, на наш взгляд, объясняется объективным отсутствием у него коммуникативно-когнитивных ресурсов решения соответствующей задачи (понятно, что реципиенту не всегда легко строить какие-либо интерпретационные гипотезы в ситуации, когда затруднение испытывает сам продуцент высказывания) (рис. 3).

² Аналогичные способы (но на другом исследовательском материале) предлагаются среди прочих в исследованиях А. А. Залевской [1] и И. Н. Софроновой [5].

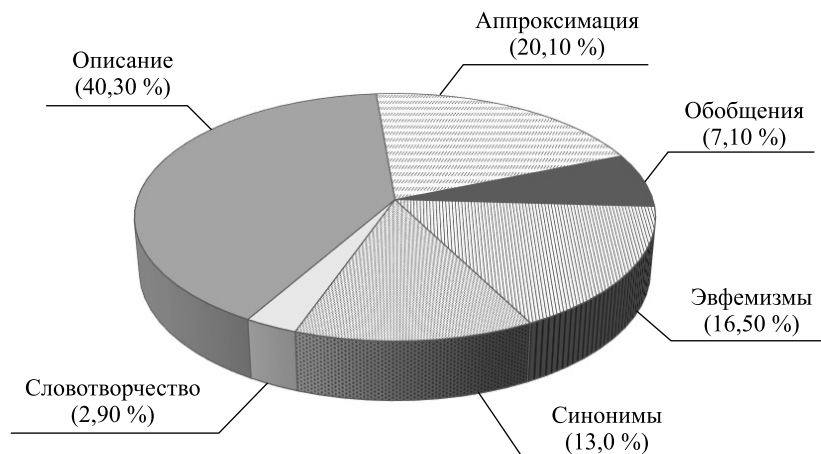

Рис. 2. Доли различных приемов модификации искомого элемента, используемых говорящим при выходе из ситуации КЗГ
Fig. 2. The shares of ignoring of the verbalized communicative difficulty of the speaker by the interlocutors in the dialogue

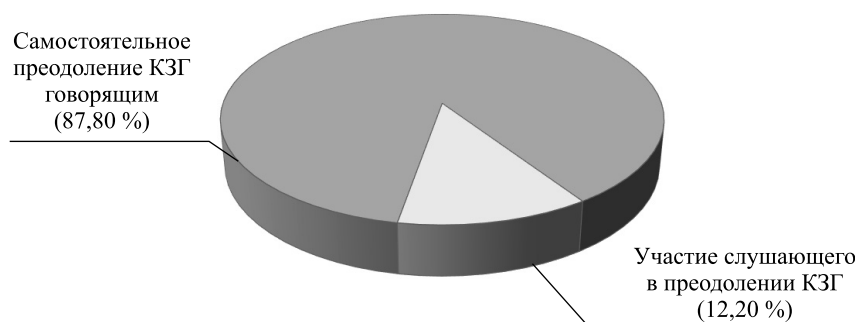

Рис. 3. Доля участия слушающего в преодолении КЗГ
Fig. 3. The share of participation of the hearer in overcoming the verbalized communicative difficulty of the speaker

Способы коммуникативного содействия говорящему слушающим, в свою очередь, можно разделить на два вида тактик:

- а) тактики, включающие выражение поддержки и понимания;
- б) тактики поиска невербализованного фрагмента высказывания.

Первая группа тактик не связана непосредственно с поиском способов вербализации элемента, вызвавшего КЗГ, а направлена на выражение понимания, поддержку адресанта, поощрение к развитию диалога. К данной группе относятся тактики выражения понимания и поощрения к продолжению.

Выражение понимания применяется в ситуации, когда слушающий уловил замысел говорящего либо смысл высказывания и для дальнейшего диалогического взаимодействия достаточно демонстрации понимания:

- Да. Мне трудно говорить высокие слова. Язык не поворачивается...
- У меня тоже... **Я все понимаю, и не надо слов** (В. Михальский. Храм Согласия).

Поощрение к продолжению – выражение поддержки, готовности участвовать в преодолении возникшей проблемы, что особенно актуально в случаях затруднений, носящих морально-этический характер и (или) связанных со специфичностью вербализуемой информации, обстоятельствами диалога. Помощь адресата в таких случаях может заключаться в использовании кооперативных тактик одобрения и поддержки коммуникативной инициативы собеседника:

- Наверное, мне не следует этого говорить, это глупо с моей стороны... И самонадеянно... Я даже не знаю, как сказать.
- **Говори, Зоенька... не стесняйся, мы ведь друзья с детства** (А. Маринина. Иллюзия греха).

Вторая группа тактик предполагает непосредственное участие адресата в преодолении КЗГ, а именно в поисках нужной номинации.

В ряде случаев такое участие мотивировано прямым запросом со стороны говорящего, который формулирует факт коммуникативного затруднения в интеррогативной форме:

– *И-и Альясан Санч считал, что моя мать, несмотря на петербургское свое так сказать... Как это сказать?*

– *Происхождение* (М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект).

Однако слушающий может оказать помощь и без эксплицитного запроса со стороны говорящего. Особенно это характерно для ситуаций, когда индикатор КЗГ расположен в финальной позиции реплики: то, что говорящий, обозначив факт своего затруднения, не продолжает реплику, естественным образом интерпретируется адресатом как передача коммуникативной инициативы и имплицитный запрос о помощи:

– *То есть... может, не столько пристрастное [отношение], не знаю, как это сказать...*

– *Немного конъюнктурное.*

– *Да* (В. Д. Дувакин. Беседы с Михаилом Михайловичем Бахтиным).

Соответственно, если адресат считает нужным помочь собеседнику преодолеть возникшее затруднение, то в его распоряжении оказывается несколько вариантов решения конверсационной проблемы.

Если адресат уверен в правильности решения, он, как правило, озвучивает искомую номинацию в ассертивной форме:

– *Потому, что если сегодня можно без закона забрать Вас и меня, то через месяц придет очередь секретаря райкома или главы городской администрации, и очень скоро члена Политбюро, или как это называется в сегодняшней России...*

– *Члена Госсовета* (М. Дорфман, В. Дмитрий. Об Израиле, войне в Ираке, Сталине и кое-чем другом...).

Если адресат допускает, что нашел правильное решение, он, как правило, предлагает свой вариант в интеррогативной форме:

– *...мы готовили их не борьбе с Америкой, не с высокотехнологическими странами, а в основном, ну между собой там... противостоянию в плане, как это сказать...*

– *Народного восстания, что ли?* (Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва)).

Если у слушающего нет варианта решения, он формулирует наводящие вопросы, сужая тем самым «зону поиска»:

– *Об организации я сейчас сформулирую... давно это было... Как сказать-то...*

– *Ну из области какой?* (Открытое судебное заседание по делу Г. П. Грабового).

Процентное соотношение речевых тактик-реакций слушающего на вербализацию КЗГ приблизительно одинаково и представлено на рис. 4.

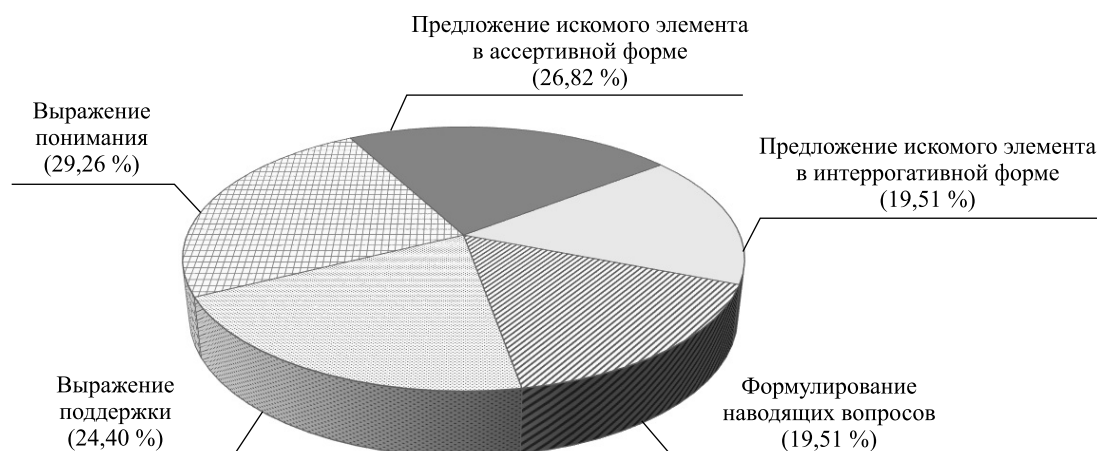

Рис. 4. Доля реплик-реакций слушающего на вербализованное КЗГ

Fig. 4. The share of remarks-reactions of the listener to the verbalized communicative difficulty of the speaker

Попытка помощи может оказаться как эффективной (собеседник действительно помогает говорящему справиться с затруднением), так и неудачной. Соответственно, это определяет дальнейшее развитие коммуникативной ситуации.

Говорящий может выражать согласие при помощи реплик типа *да-да, вот-вот, именно*, повторением предложенного собеседником варианта с утвердительной интонацией и т. п.:

– *Я не берусь в отличие от моего, как бы это сказать, от моего противника, что ли...*

– **Визави.**

– **Визави...** рассуждать о том, что думают вот эти люди, которые принимают решения (Дебаты главы Фонда борьбы с коррупцией Алексея Навального и телеведущего Владимира Познера на тему «Замалчивание важных событий – цензура или выбор редактора?»).

Говорящий может выражать несогласие при помощи реплик типа *нет; не совсем*, за которыми следует необходимая коррекция:

– *Как вы понимаете, время сейчас другое, и девушки тоже другие. Они и свободнее, и... как это сказать...*

– **Раскованнее.**

– **Нет, не раскованнее – увереннее в самих себе: они крепче стоят на ногах** (Г. Галкина. Тимур Бекмамбетов: «После вампирских историй захотелось сделать что-то человеческое»).

Кроме того, говорящий может высказывать несогласие и предлагать так или иначе завершить интеракцию, оставив попытки преодолеть коммуникативное затруднение:

– *Он стал совсем уж невнимательный, как это сказать...*

– **Равнодушный?**

– **Нет не то... Ай, ладно, не будем сейчас** (Разговоры московских школьников).

Некооперативным вариантом развития диалога может стать отказ от помощи, когда собеседник выражает более или менее очевидное неодобрение речевого поведения партнера и инициирует прекращение соответствующего блока диалога:

– **Я не знаю, как объяснить...**

– **Ну тогда не говори, если не знаешь, как это объяснить** (Телефонный разговор старшеклассников).

Заключение

Таким образом, модель развития ситуации при возникновении коммуникативного затруднения можно представить в виде схемы (рис. 5).

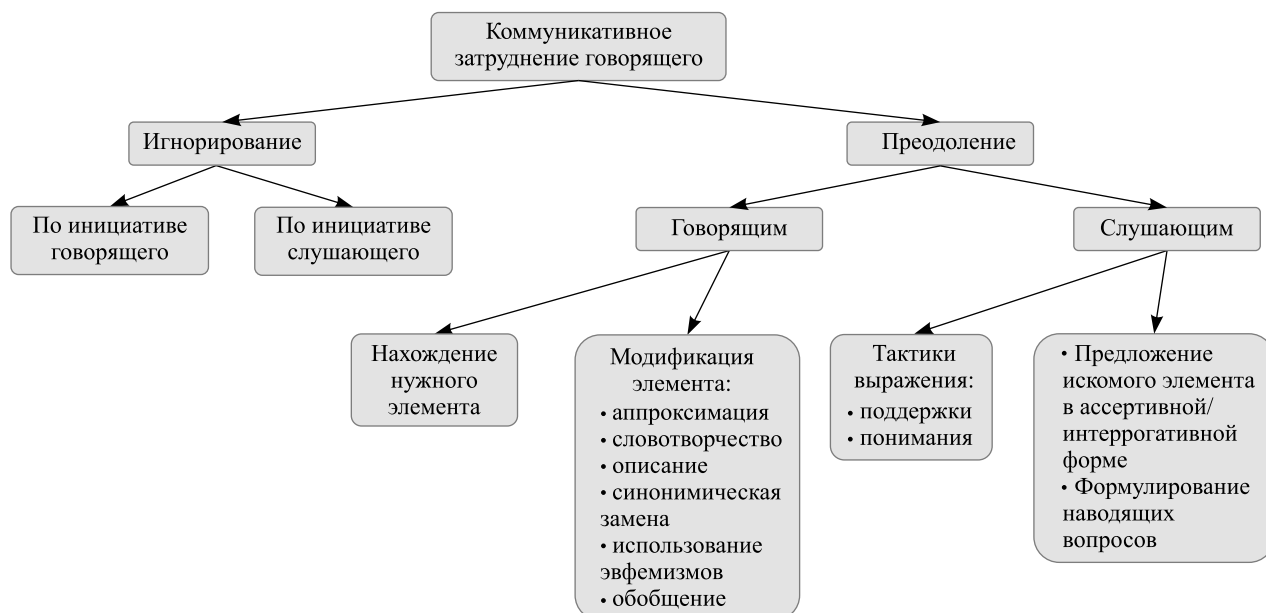

Рис. 5. Модель развития диалогического взаимодействия при возникновении КЗГ

Fig. 5. Dialogic interaction development model as a result of the communicative difficulty of the speaker

Из проведенного анализа следует, что такое многообразие вариантов поведения собеседников при возникновении и вербализации КЗГ обуславливается тремя основными факторами:

1) оценкой коммуникантами произошедшего сбоя как релевантного или нерелевантного для дальнейшего продолжения диалогического взаимодействия (в случае оценки КЗГ как малосущественного высоковероятно использование стратегии игнорирования, в случае его оценки как препятствующего достижению взаимопонимания, скорее всего, будет использована стратегия преодоления);

2) степенью кооперативности коммуникативного поведения собеседников (в случае кооперативности коммуникативных установок слушающего его участие в решении проблемы является более активным и эмпатийным);

3) уровнем коммуникативно-когнитивной компетентности собеседников и ее взаимной оценкой (в случае высокого уровня такой компетентности у говорящего он может самостоятельно справиться с затруднением; в случае высокой оценки компетентности партнера возрастает вероятность обращения за помощью).

В зависимости от этих факторов воздействие КЗГ на ход диалога варьируется от минимальной (в случае игнорирования или оперативного нахождения необходимого элемента) до весьма заметной, когда вербализация КЗГ обуславливает либо существенное усложнение диалогического единства за счет дополнительных метакоммуникативных ходов, либо даже прекращение интеракции в рамках соответствующего тематического блока.

Библиографические ссылки

1. Жинкин НИ. О кодовых переходах во внутренней речи. *Вопросы языкознания*. 1964;6:26–38.
2. Выготский ЛС. *Мышление и речь*. 5-е издание, исправленное. Москва: Лабиринт; 1999. 352 с.
3. Залевская АА. *Введение в психолингвистику*. Москва: РГГУ; 2000. 559 с.
4. Ермакова ОН, Земская ЕА. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога). В: Земская ЕА, Шмелев ДН, редакторы. *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. Москва: Наука; 1993. с. 30–64.
5. Кънева НК. Условия успешности коммуникативного акта. В: Сусов ИП, редактор. *Язык и дискурс: когнитивный и коммуникативный аспекты*. Тверь: ТГУ; 1997. с. 26–33.
6. Смирнова МН. *Коммуникативные неудачи в неофициальном диалоге (на материале английского языка)* [автореферат диссертации]. Москва: Российская академия образования; 2003.
7. Софронова ИН. Эпистемический сбой и его национально-культурная специфика. В: Градинарова АА, Алексеева ТИ, редакторы. *Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ; 17–23 сентября 2007 г.; Варна, Болгария. Том 1. Новое в системно-структурном описании современного русского языка. Речевая деятельность: современные аспекты исследования*. Sofia: Heron press; 2007. с. 374–381.
8. Богданова-Бегларян НВ, Кутруева НГ. Об одном из вербальных хезитативов русской устной речи: как его (ее, их) в различных функциональных разновидностях. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2013;4:7–18.
9. Подлеская ВИ. «То есть, не убили, а зарезали саблей»: самоисправления говорящего в устных рассказах. В: Селегей ВП, редактор. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»; 4–8 июня 2014 г.; Бекасово, Россия. Выпуск 13*. Москва: РГГУ; 2014. с. 547–561.
10. Подлеская ВИ. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования. В: Селегей ВП, редактор. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»; 29 мая – 2 июня 2013 г.; Бекасово, Россия. Выпуск 12, том 1*. Москва: РГГУ; 2013. с. 631–643.

References

1. Zhinkin NI. [On code transitions in internal speech]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language]. 1964;6:26–38. Russian.
2. Vygotsky LS. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speaking]. 5th edition, revised. Moscow: Labirint; 1999. 352 p. Russian.
3. Zalevskaia AA. *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to psycholinguistics]. Moscow: Russian State University for Humanities; 2000. 559 p. Russian.
4. Yermakova ON, Zemskaya EA. [To the construction of a typology of communicative failures (based on the natural Russian dialogue)]. In: Zemskaya EA, Shmelev DN, editors. *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt* [Russian language in its functioning. Communicative-pragmatic aspect]. Moscow: Nauka; 1993. p. 30–64. Russian.
5. Kneva NK. [Conditions for the success of a communicative act]. In: Susov IP, editor. *Yazyk i diskurs: kognitivnyi i kommunikativnyi aspekty* [Language and discourse: cognitive and communicative aspects]. Tver: TSU; 1997. p. 26–33. Russian.
6. Smirnova MN. *Kommunikativnye neudachi v neofitsial'nom dialoge (na materiale angliiskogo yazyka)* [Communicative failures in the informal dialogue (on the material of the English language)] [dissertation abstract]. Moscow: Russian Academy of Education; 2003. Russian.

7. Sofronova IN. [Epistemic malfunction and its national and cultural specificity]. In: Gradinarova AA, Alekseeva TI, editors. *Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire. Materialy XI Kongressa MAPRYaL; 17–23 sentyabrya 2007 g.; Varna, Bolgariya. Tom 1. Novoe v sistemno-strukturnom opisanii sovremennogo russkogo yazyka. Rechevaya deyatel'nost': sovremennye aspekty issledovaniya*. [The world of the Russian word and the Russian word in the world: Proceedings of the 11th Congress MAPRYaL; 2007 September 17–23; Varna, Bulgaria. Volume 1. New in the system-structural description of the modern Russian language. Speech: modern aspects of the study]. Sofia: Heron press; 2007. p. 374–381. Russian.

8. Bogdanova-Beglarian NV, Kutruieva NG. [On a hesitation marker of Russian speech: various functional types of *как ego* (ee, ux)]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University herald. Russian and foreign philology]. 2013;4:7–18. Russian.

9. Podlesskaya VI. [«They killed him, no, they cut him with a sabre»: Self-repair in speech]. In: Selegei VP, editor. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»; 4–8 iyunya 2014 g.; Bekasovo, Rossiya* [Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the International conference «Dialog»; 2014 June 4–8; Bekasovo, Russia. Issue 13]. Moscow: Russian State University for Humanities; 2014. p. 547–561. Russian.

10. Podlesskaya VI. [Vague reference in Russian: evidence from spoken corpora]. In: Selegei VP, editor. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»; 29 maya – 2 iyunya 2013 g.; Bekasovo, Rossiya. Vypusk 12, tom 1* [Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the International conference «Dialogue»; 2013 May 29 – June 2; Bekasovo, Russia. Issue 12]. Moscow: Russian State University for Humanities; 2013. p. 631–643. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.06.2018.
Received by editorial board 20.06.2018.